

Субботние встречи

«Впечатление такое, словно сочинение это написал юноша, у которого еще столько надежд», — так во время обсуждения говорили о Четвертой симфонии Н. Богословского некоторые коллеги композитора. Автору тогда было 68 лет. Завтра Никите Владимировичу исполняется семьдесят, но он все так же полон надежд, и энергии. И когда мы встретились, первым делом предложил: «Давайте отойдем от юбилейной темы — в нашей музыкальной жизни, особенно в песенном искусстве достаточно проблем, чтобы не увлекаться воспоминаниями».

Никита БОГОСЛОВСКИЙ:

«ЭТО ТРУДНЫЙ ЛЕГКИЙ ЖАНР»

— Но без экскурса в прошлое, пожалуй, все-таки не обойтись. Многие песни, среди них и ваши, написанные десятки лет назад, не стареют. Их не только исполняют, их поют — в кругу друзей, за праздничным столом, на улицах, в поездах. И в то же время ныне появляется множество мелодий, которые забываются вскоре после премьеры, — в чем тут дело?

— В эпоху моей юности да и зрелости тоже песен появлялось не столь уж много. Может быть, поэтому легче было отбирать среди них лучшие, легче было преподнести их слушателям — на радио, в кино, на эстраде. Да и писали эти произведения профессиональные композиторы, тогда ведь не было «бардов».

Это не ностальгия по молодости. Я убежден — хороших песен сейчас не стало меньше. Но они, к сожалению, тонут в потоке посредственности. Сложилась парадоксальная ситуация, своего рода дефицит от избытка. Ведь нынче каждый руководитель ансамбля — уже «композитор» и считает себя обязанным одарить слушателей собственным сочинением.

— Не потому ли многие мелодии просто трудно отличать друг от друга — они похожи, как близнецы?

— Конечно, ведь стереотипные вещи делать нетрудно: два-три аккорда, сгусток знакомых интонаций, и готова очередная песня-однодневка. Нет ничего плохого, когда компания молодых людей сочиняет, а точнее, складывает свои

собственные песни под гитару. Плохо, если такой способ самовыражения переносится в область профессиональной работы — тогда-то и начинается стилистическая нивелировка. Авторам с оригинальной, только им присущей интонацией можно по пальцам перечислить.

— Однако же и песни-однодневки находят аудиторию.

— Зритель у нас добросердечный, максимум неодобрения с его стороны — это жидкие хлопья. Все же аплодисменты, а не молчание, не свист. И критика весьма снисходительна: ведь не скажут — бездарная вещь, напишут деликатно — неудача. Иной раз пожалеешь, что из нашего критического арсенала напрочь исчезло слово «бесталанный».

— Но как определить талант? Критерии тут зыбкие. К тому же, согласитесь, сказать «бесталанная вещь», значит, обидеть автора.

— Вот и мечтаешь порой, как бы перевести это слово из категории «обидных» в разряд профессиональной аттестации. Ну, не одарен человек природой, чего ж обижаться? Ведь одного образования в искусстве, в творчестве мало. Конечно, объяснить на словах, что такое талант, трудно, но виден-то он сразу. Вот пришел в Союз композиторов Е. Бачурин, исполнил свои песни, и сразу всех очаровал — именно талантом своим. Поддержали его, вышла одна пластинка, потом вторая — успех несомненный. А тогда, при первом знакомстве, экспансивный Э. Колмановский

предложил даже его сразу в Союз принять.

— Приняли?

— Нет, с песенниками положение катастрофическое, вот уже лет десять ни одного представителя этого жанра в творческом нашем союзе не появилось. Последним приняли Д. Тухманова. А ведь есть Е. Мартынов, А. Градский, Г. Морвесиан, многие другие. Но... начинается обсуждение, встает малоизвестный симфонист и заявляет: дескать, как-то это несolidно, легковесно. Словом, проблема смены поколений среди композиторов-песенников достаточно острая и наболевшая.

— Сейчас не так уж часто появляются песни, которые становятся людям родными. Чем это объяснить?

— Одну причину я уже называл — засилье ВИА, масса ремесленных поделок, профессионально слабых, трафаретных вещей. Есть, на мой взгляд, и еще одна — программы радио и особенно телевидения компонируются по принципу «лишь бы что-то новенькое». Меж тем хорошую песню надо понять, осмыслить, сдружиться с ней, в калейдоскопе шлягеров она может пройти незамеченной.

У людей всегда была тяга к лирической, задушевной, сюжетной песне. Но рождается она сегодня часто не в мастерской профессионала. Это наша вина, не заполняем жанровый вакуум. Композиторы чуть ли не стыдятся написать песню для домашнего круга — вот для торжественного случая, для эстрады, для популярной певцы — другое дело. Может быть,

поэтому у меня и возникло желание написать несколько простых песен под гитару. Две уже готовы, но пока их не стоит обнародовать, лучше представить все сразу. К тому же, для таких песен обязательно нужны хорошие стихи. Именно в этом секрет популярности песен Б. Окуджавы, В. Высоцкого, ведь мелодии у них не так уж совершенны. Да и сам Высоцкий говорил мне, что музыка для него — лишь способ подчеркнуть, обнажить смысл стиха. Работая над этими «непритязательными» песенками, я убедился, что проще написать скрипичную сонату. А говорю — легкий жанр...

— А как вы начинали работать в этом жанре?

— Меня за пианино усадили в четыре года — семья была музыкальная. Сознаться, не было другого занятия, к которому я испытывал бы столь же силь-

ную неприязнь. Наконец, родители пообещали: будет «пятерка» по поведению, освободим от музыки. Пока я боролся с неумейной живостью своего характера, меня вдруг неудержимо потянуло к музыке. Сочинять стал рано, вещи писал серьезные. Начал оперу, бросил — мальчишка же. Пятнадцать лет написал оперетту «Ночь под рождество», ее поставили, но... на премьеру автора еле пропустили. Билетер схватила за рукав: «Мальчик, ты куда, приходи завтра на утренний спектакль».

А в 1936 году режиссер В. Вайншток предложил мне написать песни к кинофильму «Остров сокровищ». Одна из них — «Если ранили друга», надеюсь, не совсем забыта. На просмотре я познакомился с Л. Луковым, который с таким знанием дела разбирал мою работу, что я решил — музыковед. Оказалось, режиссер. В работе над его фильмами родились песни «Спят курганы темные», а позже, во время войны, — «Темная ночь». Кстати, с первой из них началась моя многолетняя дружба с шахтерами. Люди они внешне суровые, но очень любят и тонко понимают лирику.

— Что ж, для благодарной аудитории писать легко. И творчество ваше в этой области оценено высоко, ведь вы — кавалер знака «Шахтерская слава» трех степеней?

— И кроме того, член одной из бригад. Да что-то забываться стали, не сообщают, сколько же угля я «выдал» на-гора...

— Может быть, повторяют

вашу песню на стихи Н. Доризо «Давно не бывал я в Донбассе»? И ждут новых?

— Нет-нет, для шахтеров писал много и буду писать

— Никита Владимирович, в канун шестидесятилетия вы мечтали купить домик и абонировать место за столиком во дворе. Исполнилось?

— Нет, пенсионных радостей вкушать не удалось, остался за роялем, продолжаю работать. Недавно вышла пластинка с Четвертой и пятой симфониями. Написал музыку для спектакля «Роза и крест» — чтобы понять стилистику старинной французской музыки, пришлось как следует поковыряться в библиотеках, познакомиться с песнями менестрелей. И, знаете, они оказались очень похожими на русские народные мелодии.

Написал музыку к пьесам А. Блока «Незнакомка» и «Балаганчик» — тут мне даже трудно жанр определить, это своего рода опера без пения. Поставил их С. Юткевич, и, судя по аншлагу в театре, зритель принял эти вещи. А «Темная ночь» два месяца назад прозвучала в Орджоникидзе на премьере Шестой симфонии, которая заканчивается музыкальной фразой из этой песни. Зато в одной из частей — скерцо нет ни единой моей ноты. Сейчас симфонисты, мне кажется, слишком часто «цитируют», включают в свои произведения известные мотивы. Вот и захотелось доставить модный прием до пародии, в конце концов «скерцо» в переводе означает «шутка».

— Пародийные приемы в музыке не заставили вас изменить традиционной юмористике?

— Конечно, нет. К трем предыдущим прибавился еще один юмористический сборник под названием «Очевидное, но вероятное». Опубликована сатирическая повесть «Интересное кино», и я сразу понял, чем отличается горький хлеб сатирика от лавров юмориста. Кто-то узнал себя, обиделся. Одно утешение — журнал, в котором вышла повесть, достать весьма трудно, он издается в Новосибирске.

— Кажется, пора задавать неизбежный вопрос — каковы ваши творческие планы?

— Знаете, задумываешь одно, выходит совсем другое — с планами как-то не получается.

— Шесть симфоний, 15 оперетт, музыка к 120 кинофильмам, песни, которые живут десятилетиями, — у всех бы так «не получалось». Прозвольте от имени наших читателей поздравить вас с семидесятилетием и пожелать творческих успехов.

— Спасибо. Постараюсь оправдать.
Вел беседу
Г. ЛОМАНОВ.